

счел необходимым уточнить отдельные нюансы. Хольстен, вслед за своим английским источником, перечисляет беспутные столичные развлечения, заключая словами: «В таких академиях завершают они (юноши. — В. Р.) свое учение» (EW, 34, 267). Фризе добавляет несколько слов о карточной игре, которая почему-то не затронута в немецком журнале. Зацепившись за слово «академия», он пишет: «. . . другие же, вышедши из онеки, записываются в Академию карточных игор и проматывают нажитое предками их имение или разоряют своих товарищей; вот изрядное довершение наук» (18, 6). Чуть ниже он слегка усиливает в том же духе, что и ранее, характеристику молодых неучей, которые возвращаются из-за границы «столь же просвещенны, как и прежде были, и привозят с собою одни образцы новых мод, пошение платья и прическу волосов; а сверх того научася французским и итальянским *bon mot* и комплиментом, мешают оные с своими природными, желая себя тем от прочих отличить, кои не имели такого счастья просветиться во Франции или Италии» (18, 6—7; ср. EW, 34, 267). Далее английский автор рассуждает (а Хольстен кратко его излагает) о преимуществах университетского образования, усматривая их в том, что в период учебы молодой человек оказывается изолированным от многих соблазнов. Ситуация, понятная любому англичанину, была неясна в России, где не было городов, подобных Оксфорду и Кембриджу, так что Фризе заменил ее другой, найдя сходство с военной службой в провинциальном гарнизоне. Такая трансформация была удобна еще тем, что представляла случай напомнить дворянским отпрыскам, в полном согласии с официальной установкой, о службе, от них государством ожидаемой: «. . . должно наивяще тем молодым дворянам похвалу приписать, которые, окончав науки, прямо в сухопутную или морскую военную службу идут; но будучи в оной, употребляет ли они в пользу свои науки? Сие зависит от них самих и от разных случаев, а более всего от добрых примеров их начальников; довольно того, что сей род службы есть наиболее полезнейший для них, потому что тут склонности и страсти молодых людей более ограничены, нежели инде где; ибо щеголь, волокита, игрок, охотник и модник не имеют столько случаев и времени всем сим прихотям подражать или часто на гульбищах и пиршествах, публичных играх и на вечеринках с непостоянными женщинами быть и знакомство заводить, как живучи праздно в больших городах» (18, 7—8; ср. EW, 34, 267). Раз начавшись, переделка нарушает систему аргументации, что и далее требует некоторых изменений, прежде чем возобновляется точный перевод.

В статьях Фризе встречается множество других отступлений от немецкого источника. Некоторые представляют замену малоизвестной реалии какой-нибудь более известной: например, место Генделя занимает «Донкишот» (19, 9; ср. EW, 24, 188), а пробка для курительной трубки (Tabacksstopfer), изготовленная из тутового дерева, посаженного Шекспиром, превращается в «табакерку из дерева св. Людовика, во время крестных походов на-